

ИВАН ЩЁЛОКОВ

“И ДОРОГИ ИНЫЕ, И ПРИМЕТЫ НЕ ТЕ...”

К 100-летию Александра Твардовского

О стихотворениях Александра Твардовского, написанных в 30-е годы прошлого века, исследователи говорят неохотно, полагая, что в них мало авторской самобытности и собственно художественной ценности. Большинство из этих стихов с долей условности можно квалифицировать как лирические произведения. По жанровой форме они представляют собой рифмованные очерки, портреты, зарисовки, рассказы в стихах. Родство с прозаическими жанрами и послужило поводом к их негативной оценке. Стихотворения А. Твардовского 30-х годов (особенно первой половины) рассматривались как заготовки, наброски крупных эпических произведений.

К сожалению, это мнение живёт и в наши дни. Одна из причин подобно-го взгляда на лирическое творчество А. Твардовского тех лет, по-видимому, кроется в том, что в литературоведении отсутствует единая точка зрения на жанровую классификацию поэзии вообще и двадцатого столетия в частности.

Видимо, рассматривая жанровое движение лирики А. Твардовского 30-х годов, необходимо исходить из справедливой оценки состояния поэзии того периода, высказанной некогда В. Д. Сквозниковым: “Лирическая мысль, подобно другим видам поэтической мысли, обнаруживает тенденцию ко всё более синтетическому выражению” (Сквозников, 1964, с. 208).

В тридцатые годы страна коренным образом преобразовывалась. Решительно меняла облик деревня. В худшую или в лучшую сторону – вопрос исторической перспективы. Однако эти перемены энергично влияли на поэзию, обогащали её лирические и эпические формы. Поэмы, баллады, оды, элегии, песни и т. д. уступали место новым, более мобильным, свободным от строгих классических канонов жанровым образованиям. Само время вторгалось в пределы традиционных, исторически сложившихся стихотворных форм, требуя раскрепощения, а отчасти и жанрового смещения, взаимопроникновения, стирания между ними чётких граней. Лирические стихотворения насыщались эпическими элементами; в свою очередь, поэмы, романы в стихах не ограничивались бесстрастным повествованием и охотно приглашали в союзники лирику. В статье “О жанровом своеобразии русской советской лирики 30-х годов” Л. А. Заманский писал, что это был процесс обоюдного союза, “обусловленный объективными жизненными обстоятельствами и собственно литературными тенденциями развития жанров”.

Не остался в стороне от поисков своих форм и Твардовский. Первые поэтические опыты молодого автора – это горячие оперативные отклики на со-

бытия сегодняшнего дня, облачённые в стихотворную форму. Сказывался опыт работы в редакциях газет. “То, что я знаю о жизни, – казалось мне тогда, – я знаю лучше, подробней и достоверней всех живущих на свете, и я должен об этом рассказать” (1, с. 22), – признавался поэт.

Как и в какой форме рассказать об изменениях в быте, укладе, сознании людей, чтобы было и о народе, и для народа? Внутренние убеждения, отрицание преобладающего личностного начала в поэзии над общественным интересом диктовали, соответственно, и выбор формы. Граница творческих предпочтений автора проходила на стыках поэзии и прозы, лирики и эпоса, в активном использовании сюжета, изобразительных элементов, прямой речи, использовании в стихотворениях имён, фамилий либо прозвищ.

А. Твардовский всерьёз был озабочен поиском новых жанров и жанровых форм. Погрезившиеся возможности в соединении прозы и поэзии на первых порах были малопродуктивными, лишёнными эстетической привлекательности. Молодому А. Твардовскому, по его же собственному признанию, не удалось добиться жанровой гармонии, единства стихового и прозаического начал, повествования и собственно лирического переживания. Нарушенное равновесие, чаще всего в пользу прозы, вводило Твардовского в сторону от поэтического освоения действительности, вносило разлад между содержанием и формой, отбирало, по его же признанию, у стиха его “природные начала: музыкально-песенную основу, энергию выражения, особую эмоциональную наполненность”.

В поэтических зарисовках, в рассказах, песнях было много детализированного, часто ничем не связанного с основной сюжетной канвой стихотворения, жанрово не мотивированного. Уже в самих названиях стихотворений угадывалось что-то общее: “Родное”, “Весенние строчки”, “Родная картина”, “Урожай”, “Песня урожая”. Возможно, молодой автор подражал своему любимому поэту А. Кольцову. У “великого прасола” в названиях стихотворений тоже часто встречаются слова “песня”, “урожай”, другие слова-обобщения. Но там были дух, полёт, фольклорно-сказочное, почти надмирное парение. Твардовский же будто бы спешил выговориться, рассказать о переполнявших его душу состояниях восторга, воодушевления и эмоционального юношеского подъёма. Но по-кольцовски воспарить, взлететь в своих лирических фантазиях ему не удавалось.

Отчасти это и привело молодого художника к первому серьёзному разладу с поэзией, а “нынешний мир потрясений”, борьбы, перемен в деревне привёл его в областную газету. В качестве корреспондента он ездил в колхозы и совхозы, вникал во всё, что составляло “впервые складывавшийся строй сельской жизни”, писал статьи, корреспонденции, вёл различные записи. “Около этого времени я совсем разучился писать стихи, как писал их прежде, – писал А. Твардовский в “Автобиографии”, – пережил крайнее отвращение к “стихотворству” – составлению строк определённого размера с обязательным набором эпитетов, подыскиванием редких рифм и ассонансов, стремлением попасть в известный, принятый в тогдашнем поэтическом обиходе тон”.

Однако было бы наивно полагать, что А. Твардовского от “стихотворства” оттолкнул лишь реальный “мир потрясений”. Думается, была здесь и чисто творческая сторона дела. Поэт не хотел писать стихи, как “писал их прежде”, но и не писать их вообще не мог. Он активно искал новые художественные формы отраженья действительности, пробовал свои силы в прозе и, по верному замечанию П. С. Выходцева, в тот период был, пожалуй, “более сильным и выразительным прозаиком, очеркистом, чем поэтом”.

В первой половине 30-х годов ведущими жанрами в лирическом творчестве А. Твардовского стали социально-психологические очерки, зарисовки, рассказы в стихах – жанры, в которых прослеживалась наибольшая связь поэзии с прозой, лирики с эпосом. Специфика творческого метода А. Твардовского в те годы заключалась не в выпячивании отдельной личности из народной массы, не в противопоставлении её остальным, а в полном слиянии их. И Бубашка, и дед Данила, и Ивушка, и Анна Никаноровна, и все другие авторские персонажи – типичные представители народа, плоть от плоти его духовное и национально-гражданское достояние. Вместе со своими персонажами поэт душой и телом срастался с эпохой, смотрел на жизнь глазами сельчан, думал их мыслями. Выбор А. Твардовским именно таких жанровых форм в определённой степени был результатом влияния на него поэтов более старшего по-

коления, в частности М. Исаковского: “Пример его поэзии обратил меня в моих юношеских опытах к существенной объективной теме, к стремлению рассказывать и говорить в стихах о чём-то интересном не только для меня, но и для тех простых, не искущённых в литературном отношении людей, среди которых я продолжал жить”.

Очерки, зарисовки, рассказы в стихах — не заготовки, не наброски, как полагали некоторые исследователи, а реально и самостоятельно существующие произведения, сложные, многоструктурные по жанровой форме. На их пограничную литературно-видовую принадлежность (сочетание поэзии и прозы) убедительно указывают названия стихотворений: “Гость”, “Бабушка”, “Хозяин”, “Строитель”, “Мужичок горбатый”, “Катерина”, “Четыре тонны” с подзаголовком “Рассказ бригады”, “Рассказ председателя колхоза” и другие.

Почему именно эти жанры нашли наибольшее распространение в лирике А. Твардовского первой половины 30-х годов? В эти годы страна, словно огромный котёл, бурлила от неотложных и важных дел. Люди нуждались в таких стихотворениях, которые были бы занимательны, интересны, легко воспринимались и правдиво рассказывали о трудовых буднях. В этом сюжетно-повествовательные жанры имели преимущество над стихами медитативными, построенными исключительно на эмоционально-чувственном уровне: разве можно передать всё богатство внутреннего мира сельского человека без описания сенокоса и грозового дождя, без запаха свежеспаханной борозды и густого, кудлатого дыма из печной трубы?

Увлечённость А. Твардовского повествовательными формами — не только его индивидуальная тропа одиночки. Выбор этого направления подтверждает творчество многих других поэтов тех лет — Н. Тихонова, А. Суркова, А. Прокофьева, М. Исаковского. Даже у Б. Пастернака, В. Луговского и других авторов нередко встречаются аналогичные изобразительно-выразительные приёмы.

Стремление А. Твардовского каждый раз обогащать интересными деталями и сюжетными поворотами форму стихотворных очерков и зарисовок лишний раз говорит о том, что поэт постоянно находился в поиске новых жанровых образований. А. Твардовский заботился о жанровой завершенности стихотворений. Эта завершенность для поэта заключалась в органичном взаимодействии содержания, формы стихотворения и их соотносённости с реальной действительностью. Если Твардовский писал очерк, он непременно следил, чтобы внутреннее состояние героя, его мысли, чувства и поступки соответствовали новым общественным идеалам. Взгляды, творческие и эстетические ориентиры автора чётко соответствовали генеральной линии эпохи: от старого — к новому, от тёмного — к светлому, от нужды — к довольству, от поражения — к победе. Поэт никогда не изолировал внутренний мир человека (будь он сторож, перевозчик, косарь, печник) от внешних обстоятельств, утверждая главенствующую роль бытия, материального мира над сознанием.

В какой бы жанровой форме ни были написаны очерки и зарисовки А. Твардовского, их объединяет повышенный интерес поэта к формированию нового сознания советского человека в период коллективизации. Отсюда — неизбежное столкновение прошлого и настоящего, старого и нового:

*Хозяин оглянулся виновато
И подмигнул бедово: — Что, как дождь?.. —
И гостя с места на покос сосватал:
— Для развлечения малость подгребёшь...
Мелькали спины, тёмные от пота,
Метали люди сено на воза,
Гребли, несли, спорилась работа.
В полях темнело, близилась гроза.
Гость подгребал дорожку вслед за возом,
Сам на воз ношу подавал свою
И на вопрос: какого он колхоза?
Покорно отвечал: — Не состою...*

Картина, нарисованная в стихотворении “Гость”, — мужицкий спор между колхозником и одиночкой о своём будущем. Картина сенокоса, с деталями и диалогами, последовательность изложения действия Твардовскому нужны, чтобы очерк как жанр не “рассыпался” на отдельные сюжетные куски.

Сопоставление прошлого и настоящего, разумеется, в пользу последнего, в очерках и зарисовках Твардовского решается не только на идейном уровне. Когда поэт рассказывает о жизни своего героя до коллективизации, интонация стихотворения медленная, словно автор с трудом выговаривает слова, подчёркивая тем самым безрадостную и тяжёлую долю крестьянина-бедняка, чья доля “неизбывная, тёмная... тянулась весь век”. Но стоит Твардовскому переключить внимание на насущные деревенские заботы, тон и лад стихотворения меняется, фразы строятся энергично, радостно, как, например, в эпизоде с сенокосом и надвигавшимся дождём.

*А туча тихо землю затеняла,
И вдруг короткий прокатился гром...
Дождь находил, шумел высоко где-то,
Ещё не долетая до земли...*

Использование приёма ретроспекции в отражении примет нового мира (“Надолго лёг венцами лес сосновый, // И лес хорош, и каждый дом хорош...”) необходимо А. Твардовскому для более зримого, яркого показа разительных перемен в жизни людей. В свою очередь, приём сопоставления обогащает внутреннюю структуру жанровой формы, придаёт ей почти стереофоническое звучание.

В стихотворении “Бабушка” герой показан не просто сторожем при исполнении служебных обязанностей. Он – прежде всего человек со своим характером, со своей судьбой, пусть даже полной трагичности: “. . . прожил жизнь, да так и не женился, – // Не захотел жениться без сапог”. Композиция стихотворения, построенная на противопоставлении прошлого и настоящего, даёт возможность проследить образ лирического героя в развитии: кем был батрак при одиночной жизни и кем стал теперь, когда вступил в колхозную артель и что “. . . только сам себя зовёт Бубашкой, // А все его зовут уже не так”.

Нельзя не восхититься способностью А. Твардовского в малой стихотворной форме отразить масштабный процесс обновления. А. Твардовский сумел на примере одного селянина проследить судьбу русского крестьянства, зарождения новых социальных, нравственных, духовных отношений между деревенскими людьми. Сопоставляя жизнь Бубашки до коллективизации с его жизнью после вступления в колхоз, автор ненавязчиво, но с большой художественной убедительностью показывает, в силу каких причин так круто происходят изменения в сознании батрака. Тридцать лет он “прослужил” хозяину, гордился его лошадьми, стерёг его двор, носил воду и был для того не более чем животным. Перемены, пришедшие в село, “перековали” душу Бубашки. Он впервые взглянул на мир своими глазами и немало был удивлён, потому что в людях увидел самого себя: “И странно старику, что к жизни этой // Большой у всех открылся интерес”.

1936 год – переломный в творческой судьбе А. Твардовского: с выходом в свет поэмы “Страна Муравия” состоялось рождение нового крупного советского поэта с индивидуальным почерком. О Твардовском заговорили серьёзно и обстоятельно, подчёркивая в нём вполне сложившегося мастера самобытного поэтического слова. В определённой степени “Страна Муравия” явилась кульминационной вершиной, завершающим аккордом, итогом пройденного пути. Вторая половина 30-х годов станет для А. Твардовского качественно новым этапом в поиске индивидуального поэтического почерка.

Ведущее место в стихотворениях А. Твардовского второй половины 30-х годов заняли лирические, а не повествовательные формы, большей частью населявшие творческое пространство поэта в первой половине десятилетия. Думается, главной причиной жанровой трансформации явилась смена лирического героя стихотворений, изменение социальных условий и морально-нравственных отношений в обществе, в том числе и на селе. До “Страны Муравии” А. Твардовский изображал людей – выходцев из старого мира, испытывающих жажду приобщения к новой жизни. В середине 30-х годов в деревне появился новый тип крестьянина, сформированного коллективной формой ведения хозяйства. Это было поколение молодых парней и девушек, с энтузиазмом принимавших эстафету нового мироустройства. Молодёжь горячо бралась за дело, упрямо преодолевала трудности, с воодушевлением выстраивала новые взаимоотношения. Это было здоровое, жизнерадостное и дееспособное по-

коление, о котором А. Твардовский (один из его представителей) не без гордости писал в стихотворении “Сверстники”:

*Нам сеять хлеб, рубить леса
И в ход пускать машины.
И резать плугом целину,
И в океанах плавать,
И охранять свою страну
На всех её заставах.*

Разумеется, такие жанровые формы, пронизанные историческим оптимизмом и юношеской восторженностью, по жизнеутверждающей энергетике отдалённо напоминали торжественно-высокопарное звучание од Ломоносова, Державина, Пушкина. Только наполнены они были иным содержанием, более свободным обращением с языковым стилем и оттенками лексического рисунка. Иными были и герои произведений. У Твардовского и его поэтических сверстников стихотворное пространство осваивали простые деревенские люди, они попадали впросак и выходили из трудных ситуаций легко, с улыбкой, показывая высокую степень адаптивности к внешним обстоятельствам. Это в их честь звучали торжественные одические песнопения, прославлявшие трудовые достижения и веру в новую счастливую жизнь. А если парням и девушкам приходилось грустить, влюбляться и расставаться с любимым человеком, элегически нежное, с шуткой-прибауткой лирическое повествование автора всё равно настроит своих героев на счастливое преодоление душевных мук, потому как иначе было нельзя... Нередко в одном стихотворении у Твардовского смешиваются одические (торжественные) и элегические (грустные) потоки, рождая непривычно скомбинированную жанровую конструкцию, не укладывающуюся в классически устоявшиеся схемы.

После написания поэмы “Страна Муравия” поэт создаёт прекрасный цикл рассказов в стихах про деда Данилу, “Ивушка”, “Ленин и печник”. Встречается в его творчестве и стихотворный очерк. И всё-таки уже не рассказы и очерки делают жанровую “погоду” и определяют выбор поэта. Творческий поиск обогащается новыми жанровыми образованиями. Существенное влияние на предпочтения оказывает перераспределение сюжетно-повествовательных функций и композиций. Так, сюжет и повествовательность в стихотворениях “Друзьям”, “На хуторе Загорье”, “Поездка в Загорье” используется Твардовским по традиции в качестве отработанного авторского приёма, потому что чистую лирическую форму как способ самовыражения поэт не признавал, считая обязательным присутствие в стихотворениях гражданского начала. Обилие диалогов, наличие конкретных персонажей и элементы действия употреблены автором с единственной целью — подчеркнуть прочную связь со временем, страной, с окружающей действительностью:

*— Что ж мы, добрые люди, —
Ахнул Лазарь в конце, —
Что ж мы так-таки будем
И стоять на крыльце?
И к Петровне, соседке,
В хату просит народ.
И уже на загнётке
Сковородка поёт.
Чайник звякает крышкой,
Настежь хата сама.
Две литровки под мышкой
Молча вносит Кузьма.*

Во второй половине 30-х годов мотивы детства, дружбы, любви к большой и малой родине в лирическом творчестве поэта зазвучали с новой силой. И что самое неожиданное — Твардовский вдруг отказался в них от жанровых форм, которыми он пользовался несколькими годами ранее. Всё дело в том, что на исходе третьего десятилетия А. Твардовский претерпевает значительные изменения в мироощущении. Эпически-поверхностное, репортажно-хроникальное освоение бытия отступает перед более глубоким лирическим познанием жизни и стремлением к выражению собственных чувств и мыслей,

самых разных, противоречивых, драматичных, которые переполняли душу автора и требовали выплеска во внешние сферы бытия:

*И первый куст листвы ещё неполной,
И след зелёный по росе зернистой,
И одинокий стук валька на речке,
И грустный запах молодого сена,
И отголосок поздней бабьей песни,
И просто небо, голубое небо, —
Мне всякий раз тебя напоминают.*

Так пронзительно и грустно поэт до этого не писал! Он вообще старался избегать личной, семейной темы, и вдруг прорвалось, не удержалось и вылилось не о ком-то, о самом дорогом на свете человеке — о матери.

Балладный, одический характер отношений с действительностью постепенно дополняется элегическим осмыслением процессов, происходивших в стране, в частности в деревне. И хотя сюжетные и композиционные особенности многих стихотворений Твардовского в общих чертах напоминают произведения прежних лет, их внутреннее жанровое наполнение существенно обогащается и часто представляет собой сложное лирическое повествование.

Поэт ощутил потребность вновь обратиться к событиям минувших лет, но уже в центр поставить “я” лирического героя и через его настроение, внутреннее состояние соприкоснуться с новым миром, с огромными переменами, происходившими на его глазах и при его активном участии. Оказывается, в великом марше преобразований звучали и такие ритмы, о существовании которых Твардовский не подозревал. Они были заглушены победной музыкой всенародного шествия. В этих ритмах угадывалось очень знакомое, одновременно радостное, горделивое чувство за свой народ и страну, за его созидательный труд на общее благо и грустное ощущение неминуемой потери, бесповоротного прощания с чем-то дорогим и близким, неповторимо прекрасным и необъяснимо важным:

*Я смотрю, вспоминаю
Близ родного угла,
Где тут что: где какая
В поле стёжка была,
Где дорожка...*

*А ныне
Тут на каждой версте
И дороги иные,
И приметы не те.
Что земли перерыто,
Что лесов полегло,
Что границ позабыто,
Что воды утекло!*

После таких строк не сразу угадаешь, чего в них больше — гордости советского поэта и гражданина или горечи обманутого сына, обескураженного поспешным сломом всего и вся, что хоть и напоминало старый, но не до такой уж степени негодный мир. Оказывается, сколько всего перерыто, перелопачено, а вот всегда ли с пользой для людей — большой вопрос. Сразу вспоминается есенинское: “Наследили кругом, накопытили...” Или платоновский “Котлован”... Почти десятилетие активного творческого присутствия в советской литературе привело Твардовского к тем же ощущениям, что и его чуть более старших великих современников.

Одним словом, жанровое движение стихотворений А. Твардовского в 30-е годы проходило по двум творческим магистралям: поэт постоянно стремился к жанровой раскрепощённости, к полифонии в отражении действительности и всегда заботился о завершенности жанровых форм стихотворений. Многие лирические произведения А. Твардовского многожанровы как по форме, так и по содержанию, в них стираются границы взаимодействия эпического и лирического, явно прослеживается трансформация традиционной жанровой системы. Выбор поэтом того или иного жанра строго подчинён идейной и творческой задачам, специфике поэтического материала, а также индивидуальным особенностям таланта.